

СТАЛИНСКАЯ МАШИНА

Перевод с немецкого – Борис Скуратов
по изданию: Karl Schlögel © Die Stalinmaschine. Moskau 1937
in: Lettre International, Nr. 76, Frühjahr 2007, S. 48-56.

For presentational & educational purposes only
(серия letterra.org: 013)

СТАЛИНСКАЯ МАШИНА

Москва 1937 – город во времена большого террора

В «Диалектике Просвещения» Макса Хоркхаймера и Теодора В. Адорно нет места русскому опыту XX в., о нем просто не заходит речи. Хотя в рассуждениях о тоталитаризме время от времени учитывались злодеяния сталинизма, но принципиальную маргинальность опыта коммунистического сталинистского господства для сознания среднего европейца – несмотря на критику великих мыслителей и «Черную книгу коммунизма» – это изменило мало. Дела обстоят так, что по сей день сотни тысяч, и даже миллионы людей, которые сгинули без имени и зачастую без следа, ждут того, что им будут возвращены лица, имена и биографии. Это больше, чем просто интеллектуальный проект или беспрецедентный по объему процесс реабилитации. Речь идет о восстановлении по сей день лишь урывками рассказанной, лишь точно проработанной и, в общем и целом, едва ли постигнутой истории. О том, что было или могло быть в Европе в XX в., невозможно сказать без восстановления другой стороны европейской истории насилия.

Конец коммунизма в Восточной Европе, как легко заметить, внес в мир не только новые и не совсем новые исторические мифы, но и страстное движение поисков и просвещения, целью которого, конечно, будет переориентация европейского исторического пространства. У многих имеется немалый страх перед этим сдвигом координат исторического восприятия, ведь на карту поставлено много непреложностей. То, что еще предстоит осуществить радикализованной и продленной «Диалектике Просвещения», в том числе и относительно взгляда на границы самого Просвещения, прояснится, не в последнюю очередь, через освещение событий в Москве в 1937 г.

БУРЯ

Мы не знаем, как выглядело бы наше представление о Москве в 1937 г., если бы великому советскому режиссеру Сергею Эйзенштейну удалось осуществить свой кинопроект «Москва во времени» к юбилейному 1937 году – к двадцатой годовщине Октябрьской революции. Его, дипломированного гражданского инженера, уже с давних времен занимали подготовительные работы к этому. В одной из книг сценариев получила определение *«архитектура как пространственное выражение новой философии»*. Эйзенштейн отметил: *«Я начинаю все учить заново. Мы находимся в начале новой эры в развитии кино. В «Москве» я попытаюсь комбинировать методы «Потемкина» и «Октября»*. Мы не знаем, почему этот проект потерпел крах; могло бы в нем удалась создать мощный символический образ, икону, и даже миф – как перед тем произошло с Санкт-Петербургом как столицей гибнущей царской империи – мы сказать не можем. Из более позднего возобновления этого проекта – к 800 годовщине основания Москвы – также ничего не вышло. Итак, мы вынуждены обходиться без эйзенштейновского фильма о Москве 1937 г.¹

Но нельзя сказать, что Москва 1937 г. из-за этого до нас не дошла. Ведь именно так названа небольшая книжка Лиона Фейхтвангера: «Москва 1937 г. Сообщение о путешествии для моих друзей», написанная после трехмесячного пребывания в этом городе.²

Место и время оставили след в литературе воспоминаний и в мемуарах выживших участников событий. Однако в тот год и в том месте в гораздо большей степени теряется след бесчисленного множества людей. Там и тогда прерываются жизненные пути, исчезают люди. Это год онемения, согласно формулировке аккуратно писавшего дневник Степана Подлубного, молодого человека из подмосковной деревни, в записи от 6 декабря 1937 г.: *«Никто не узнает, как я пережил этот 1937 год... Год тяжелый и скверный... Мне кажется, петля на моей шее с каждым годом затягивается все туже»*.³ Писатель Юрий Домбровский охарактеризовал 1937 г. как *«злой, горячий год, предвестник грядущих бед»*.⁴

Разумеется, неслучайно, что в автобиографической литературе для характеристики 1937 года непрерывно задействуется метафорика, имеющая отношение к природным силам, катастрофам, к процессам, проходящим бесконтрольно, к бушевавшей над головами буре.

Если мы хотим создать мнение о том, что в буквальном смысле означает смена элит, то достаточно лишь взглянуть в московскую адресную книгу. Там перечислены учреждения и кадровый состав Москвы как местопребывания центральных органов СССР, Российской Федерации, а также города и Московской области. Нигде в других местах не было такой густоты руководящего персонала – не только в политике, но и в плановом хозяйстве, науке, искусстве – вплоть до спорта. Нигде нельзя было создать более явные кадровые пробелы – сначала чистками, затем террором. Как бы там ни было, адресная книга, вышедшая в 1936 г., стала последней с перерывом в несколько десятилетий.⁵

Впредь этот справочник будет читаться как про-скрипционный список – нет страницы, с которой не будут вычеркиваться имена; нет учреждения или органа власти, из которых не были бы вымараны какие-то имена; нет адреса, который оказался бы столь «безвредным», чтобы о нем не озаботилась тайная полиция; едва ли есть места, где не оставили бы следа волны арестов 1937 и 1938 гг. В справочнике еще указаны занимающие высочайшее положение народные комиссары – с точными указаниями адресов, номеров телефонов, имен важнейших сотрудников – но все они полгода спустя были казнены как «*троцкистские предатели*» или «*фашистские агенты*». Еще встречаются имена ведущих экономистов, которые не пережили первой половины 1937 года. На многих страницах встречаются имена тех, кто был впоследствии разоблачен и казнен за устройство сети «*террористического заговора*». По страницам рассыпано поразительное количество выдающихся самоубийц, людей, не видевших для себя иного выхода, кроме смерти. Предполагается, что существует лишь немного таких списков имен людей, которые расстались с жизнью насильственным образом. Правда, этот список представляет собой лишь список видимого и обладающего именами, тогда как список тех, кто канул без имени и следа в 1937-1938 гг., десятилетия спустя может быть реконструирован лишь кропотливым трудом по документации НКВД, картотечным ящикам, протоколам допросов и милицейским фото.⁶

Точно так же обстоят дела с удаленными или вычищенными из библиотек в 1937 г. книгами, откуда вычеркнуты или вырезаны или где очернены имена героев вчерашнего дня, революционеров первого часа.⁷ В конечном итоге, сами редакторы адресной книги перестали идти в ногу с бурей

и вообще закрыли издание. Чтение Московской адресной книги за 1936 г. подкрепляется сведениями из соответствующего исследования. Так, в начале 1939 г. были арестованы 110 из 139 избранных в 1934 г. на XVII Партсъезде членов и кандидатов в члены Центрального комитета. Десятки их были расстреляны в 1937/1938 гг.⁸

Только в РСФСР репрессиями были затронуты примерно 90% членов всех партийных комитетов, а также большинство членов райкомов и горкомов. Ни одна армия в мирные годы не потеряла так много высших офицеров, как *Красная Армия* в 1937 году. На верхних этажах власти дело дошло даже до смены элит, до конца «старой гвардии», как это долго называли.

До сих пор нет полной картины количества жертв. Колебания в оценках пока еще чрезвычайно высоки. Однако и самые низкие цифры за 1937/38 гг. страшны. Между тем, если принять количество расстрелянных по политическим мотивам за 681 692, то в этом балансе Москва и Московская область занимают выдающееся место. Так, в середине 1939 г. в Москве и Московской области из 136 партийных секретарей при должности оставалось только семь. Почти все остальные были арестованы и расстреляны.⁹ Хрущев уже 10 июля 1937 г. доложил Сталину, что арестованы были 41 305 «уголовных и кулацких элементов». Из них 14 369 причислялись к первой категории, т. е. к тем, кого следовало расстрелять немедленно, постановлением так называемой *тройки*, особого суда, состоящего из партийного секретаря, государственного прокурора и сотрудника НКВД. Общие цифры для Москвы варьируют. Их диапазон – между 90 000 и 200 000. (Совершенно невероятные оценки доходят даже до 600 000, что соответствовало бы одной шестой населения города и области). Правда, в любом случае, исходя из данных каждого дня, следует реконструировать, что, начиная с июля 1937 г., на таких важнейших расстрельных полигонах, как Бутово и «Коммунарка», иногда казнили до 500 человек в день.¹⁰

Эти цифры говорят, прежде всего, что «Москва 1937» не может быть попросту обычной историей города в определенном году. «Москва 1937» – не обычный город в обычный век, но арена «века крайностей» (Эрик Хобсбаум). В неслыханно густой последовательности событий между августом 1936 г. и мартом 1938 г., между первым и третьим московским показательным процессом, гибнет старая Москва и возникает новая. «Москва 1937» – нечто большее, чем просто драматическое

обострение событий в определенном году. Она превратилась в шифр тоталитарного насилия и тотальной власти. «Москва 1937», говоря вместе с великим русским ученым и мыслителем Михаилом Бахтиным – также узником сталинских лагерей – представляет собой «*хронотоп*», единство места и времени, момент, когда историческая констелляция сконцентрировалась в некий образ, в символ, в понятие.

Каковы черты этого образа? Страх. Вездесущность тайной полиции. Речи о заговоре. Повсеместное недоверие. Невозможность ничего рассчитать. Шокирующий опыт, согласно которому нет никакой защиты и ее возможности. Опыт полной капитуляции. Абсурдность обвинений. Самообвинение обвиняемых, самоотрицание и самооговоры. Полный произвол, который может обрушиться на каждого. Опыт, согласно которому сами экзекуторы могут быть казнены; сегодняшние убийцы завтра могут стать убитыми; злодеи могут стать жертвами, а жертвы – злодеями. Беспомощность перед лицом того факта, что вас могут убить «свои люди».

Опыт того, что история может переписываться по произволу, а исторические факты – ставиться с ног на голову. Следовательно, опыт по расковыванию насилия и сносу барьеров для власти. Тайна и даже загадочность 1937 года, как прежде, состоит в слепоте связей насилия. Рожденным в последующие эпохи и не сталкивавшимся с непоправимостью ситуации нет доступа в эту минувшую, но пока еще не ставшую историей эпоху. Замешательство выражается в вопросах, которые всегда задавали люди, пострадавшие в тот год, так и не получив ответа: «Почему? За что? Почему я?» Следовательно, речь идет не о получении цифр, касающихся жертв, но о вопросе о логике, о внутренней рациональности, о так называемом рациональном зерне, отвыкнуть от выведения которого не может историография, занимающаяся объяснением.

Русская поэтесса Анна Ахматова писала, как после ареста ее сына Льва Гумилева она стояла в очереди перед Большим Домом в Ленинграде, вместе с тысячами других женщин, у которых были арестованы мужья, отцы, друзья – и как одна женщина, узнав ее, вышла из очереди, подошла к ней и спросила ее: – *А это вы можете описать? И я сказала: – Могу. Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом.*¹¹

Историческая наука должна найти здесь ответ на собственный лад. Но назвать столь впечатляющую исследовательскую работу, что смогла бы ответить на этот вопрос, я здесь не могу.¹² Даже если многие камешки все-таки складываются в мозаику, и можно нарисовать во многом связную картину, то я все-таки полагаю, что актуальными остались вопросы, тревожившие еще современников тех событий и возвращающиеся к иррационализму, слепоте, и даже призрачности террора в тот год. Каждый пытается решить эти вопросы по-своему. Я хотел бы показать, как террор и его одобрение, насилие сверху и насилие снизу сочетались между собой и взаимно друг друга обуславливали, как «*пространства ликования*» и «*пространства террора*» – используя формулировки Михаила Рыклина – смогли налагаться друг на друга.¹³

Это можно показать на примере того места, которое располагается как бы между макрокосмом Советского Союза, с одной стороны, и микрокосмом индивидуально переживаемой истории, т. е. города Москвы. И это можно сделать сквозь призму одного года, причем ясно, что этот год воспринимается как фокус, как разрыв во времени, как ломаная линия. Многое говорит в пользу того, что 1937 год является той необратимой датой, той *point of no return*, начиная с которой старая Россия была окончательно уничтожена, а «*сталинизм как цивилизация*» окончательно утвердился в мире как самостоятельная жизненная форма.¹⁴

Если в дальнейшем мы рассуждаем об этом без всякого соотношения с другой тоталитарной державой *par excellence*, без ссылок на гитлеровскую Германию, то дело не в том, что не существовало параллелей или что сравнение невозможно. Наоборот.¹⁵ Но я хотел бы сконцентрироваться на том, чтобы понять развитие событий из их собственных предпосылок и из условий, которые всякий раз были совершенно различными и совершенно специфическими. Сравнение не всегда заостряет взгляд, иногда оно проводит сфокусированный взгляд на миллиметр мимо сути.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГОД 1937

Продолжая поэта Александра Блока, можно было бы сказать, что в 1937 году календарное и историческое время платили друг другу по вексям. Исторический 1937 год – длинный год, который *grosso modo* начинается с первого мос-

ковского показательного процесса в августе 1936 г. и доходит до последнего показательного процесса в марте 1938 г. – накладывается на календарный, в котором отмечалась двадцатая годовщина Октябрьской революции, эпигонский римейк, инсценированный в гигантских масштабах.¹⁶ «Москва 1937» не живет в ритме нормального года. Простое хроникальное постижение того, что происходило в публичном пространстве Москвы в 1937 году, дает «битком набитую» последовательность как бы стаккато сменяющих друг друга, пересекающихся и взаимно друг друга усиливающих, а вероятно, и друг друга парализующих действий. Ритм общественной жизни был ритмом мобилизованного и даже сверхмобилизованного общества с явными признаками паники и истерии. Регулярно протекающее время распадается на серию кампаний. Все действия свершаются бурными зигзагами. Параллель к публичным дебатам относительно проекта новой конституции, в которых в последующие месяцы участвовали сотни тысяч москвичей, образует состоявшийся с 19 по 24 августа первый показательный процесс против «*троцкистско-зиновьевского террористического центра*», приговор по которому – расстрел – был приведен в исполнение сразу же после объявления.¹⁷

Когда на *Восьмом чрезвычайном съезде Советов* была принята новая конституция, то с 23 по 30 января уже готовился следующий показательный процесс против «*антисоветского троцкистского центра*». Когда Николай Бухарин и Алексей Рыков, два ведущих представителя так называемой «старой гвардии», были арестованы прямо на пленуме ЦК, состоявшемся с 23 февраля по 5 марта 1937 г., то прямо в дополнение к этому, на всех уровнях партии, комсомола и профсоюзов были развязаны кампании критики и самокритики, направленные на избрание новых руководящих органов – только в Москве арестованы были десятки тысяч людей. А когданазначалелетапроходилиподготовительныемероприятия к первым «*действительно демократическим выборам*» – они должны были стать всеобщими, свободными и тайными – на которых была отменена еще практиковавшаяся в старой конституции дискриминация «*социально чуждых элементов*» и смогли выдвигаться независимые кандидаты, то в НКВД вышел приказ 00447 «*Об операции по подавлению бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов*» от 30 июля 1937 г. – под грифом «*совершенно секретно*» – в котором были установлены квоты (*лимиты*) для тех,

кого необходимо арестовать и расстрелять. Начало действий было назначено на 5 августа 1937 г.¹⁸ Приказ 00447 предусматривал арест в общей сложности 268 950 человек, 75 950 из которых следовало расстрелять. На Москву и Московскую область выпадало 30 000 для ареста и 5 000 для немедленного расстрела. Впоследствии лимиты были повышены еще раз, в следующие месяцы добавились еще и другие так называемые «массовые операции», направленные против определенных национальных групп – польской, немецкой, японской и других. Относительно людей, расправа над которыми предусматривалась в период 1937–1938 гг., была названа цифра 681 692.¹⁹ Приказ НКВД 00447 представляет собой совершенно особенный документ даже среди чудовищных документов 1937 года и посреди урагана насилия; он является недвусмысленной директивой массовых убийств согласно плановым цифрам.

Смысл моих рассуждений не в том, чтобы дать резюме истории террора, но в том, чтобы провести перед глазами густоту последовательных событий, всё наскокообразное, кампанейское, ошеломляющее. Это год непрерывного движения, повышенного напряжения, которое устраивается и поддерживается многими способами. Эта повседневность напоминает об осадном положении, состоянии войны или чрезвычайном положении. Нервозность, страхи и истерия идут рука об руку.

Давно ясно: историю этой эпохи невозможно написать, если считать место Сталина пустым или же если игнорировать рост социальной карьерной мобилизации; невозможно безнаказанно отвергнуть первоначальные взгляды на значение террора, а также идею того, что устойчивая система не может существовать без известной опоры снизу. И наоборот: рост и ударная сила насилия становятся полностью понятными, если рассматривать их не просто как криминальные махинации, но как развивающиеся из стихии социальных низов.²⁰ Террор был запущен в ход если не по всеобъемлющему плану, то все-таки продуманно и расчетливо, однако проблема состоит в том, как пересекались террор сверху и деятельность снизу, что привело к необратимому и, в конечном итоге, вышедшему из-под контроля процессу. Многие указывает на то, что запущенный в ход процесс мобилизации, процесс критики снизу – *«укрепление внутрипартийной демократии»* – процесс нападков на носителей власти, располагавшихся на средних и высших

уровнях, вышел из-под контроля. «Управляемая демократия» 1937 года нападала не только на партийных боссов в глубинке, но и на лояльнейших из лояльных – на самих сталинистов. Радикализация развернутого внутрь саморазрушительного террора, которую вместе с Хансом Моммзеном можно назвать и *sui generis* «кумулятивной радикализацией», перегибом, в 1938 г. заглохла и даже отступила – точно так же, как прежде она была запущена в ход.²¹ Ее результатом стало, вероятно, беспрецедентное в новейшей истории саморазрушение правящего властного ядра и человеческих ресурсов великой страны, совершающей прорыв.²²

Разгул насилия в 1937 году представляется столь загадочным, не в последнюю очередь, потому, что незадолго до этого страна была вроде бы умиротворена и партия, казалось, одержала победу. В партийном руководстве с 1932 г. – т. е. после подавления деревни – говорили даже о «*совершенно новой ситуации*». Но существовали и приметы других явлений: брожения, беспокойства, поисков альтернатив, а также сопротивления в чрезвычайно потрясенном и травмированном обществе, которое насильственно столкнули с колеи традиционных жизненных форм. Убийство ленинградского партийного шефа Кирова в декабре 1934 г. – как его ни толковать – служит симптомом внешне умиротворенного, но внутренне разрывающегося общества и, в общей сложности, непрозрачного и хаотичного положения, когда в опасности оказалось не только положение, но и само существование партии. Она – и при этом ее господство – выживала лишь тогда, когда искореняла всякий намек на слабость, раздробленность, диссидентство в самом властном ядре. Чистка нелояльных, неопределенных «кантонистов», людей с оппозиционным прошлым, с сомнительными классовыми истоками, остающихся не до конца слепыми по отношению к действительности, превратилась в заповедь для выживания. Самоутверждение требовало внутреннего и внешнего врага. Обострение классовой борьбы, этот центральный тезис Сталина, является плодом не классового анализа, но концепции удержания власти любой ценой. Борьба с врагом была внутренней осью самопонимания власти; постановка под вопрос ритуалов безусловной идентификации и самодисциплины становилась смертельной опасностью для власти. Образы врага дают опору. Козлы отпущения делаются, по меньшей мере, на некоторое время, объектами ненависти, которая может перенаправиться и на самого не-

навидящего. Чем сильнее мнимая или реальная опасность, тем больше необходимость замкнутости собственных рядов. Поскольку классов больше не было, но существовали лишь враждебные элементы, то всякое столкновение с врагом было стычкой с криминальными элементами, и проводить ее следовало средствами полиции и спецслужб. В обществе, потрясенном эпохальными переворотами, которое было наполнено выбитыми из привычной колеи массами, в котором были отодвинуты в сторону институциональные гарантии, было немало трений, противоречий, враждебности, соперничества, ненависти – словом: все напоминало ситуацию, когда действовали, скорее, дарвинистские правила регулирования пространства, ставшего анонимным, и *survival of the fittest*, выступая в роли институционально модулируемого арбитража конфликтов. Если угодно – враги выступали толпами, а конфликтов было в избытке. Партия, столь исчезающе-миноритарная, как *Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)*, насчитывающая 2 миллиона членов в стране с приблизительно 170 миллионами жителей, погибла бы, если бы она всего лишь приступила к разрешению всех этих конфликтов. Она оказалась спасена – по крайней мере, на некоторое время – из-за того, что ей удалось не только воспользоваться для себя наличествующими конфликтами, но и не дать им заглохнуть и их разжечь.

А именно: хотя поиски врага, разыскание и разоблачение врагов объясняются коренящейся в незапамятных временах и ставшей обычной для сталинского руководящего ядра паранойей, но, прежде всего, в ней выразилось важное для выживания знание того, что ничто не в состоянии так сплотить отчаявшуюся и попавшую в опасность кучку людей, как угроза со стороны серьезного врага, тем более когда он связан с границей и является агентом. Московские газеты, плакаты, фильмы 1937 года представляют собой одну сплошную арену военных действий, которая протянулась от Испании до Манчжурии и чьи фронты проходят через Москву.²³ По этой логике, неважно, что индивид думает субъективно, но важно, какова объективная функция некоей мысли или некоего действия. Виновен в преступлении не только тот, кто совершает преступление сам, но и тот, кто оставляет его нераскрытым из-за недостатка «*большевистской бдительности*». А недостаток бдительности в 1937 году был равносителен измене общему делу. Все, что происходило – пожары на шахтах, схождения поездов с рельсов, прорывы

дамб, очереди перед магазинами – является, под этим углом зрения, следствием недостаточной революционной бдительности, а это использовалось врагом. Нерадивый становится саботажником. Но действует и противоположное: кто слишком бдителен и разоблачает слишком многих, тот, в свою очередь, может опять-таки оказаться вредителем, так как он поднимает массы против партии! Мир становится сплошной заговорщической сетью, которая может плестись, разветвляться и развиваться во все стороны.²⁴ Персонал, который будет играть предназначенную для него роль, отыскивается. Его нужно только подготовить, обучить. Эти сценарии развертывались и эффективно, с точки зрения массовой педагогики и массовой культуры, инсценировались на десятках показательных процессов. Определения врага и сценарии разоблачения изменяются, могут устаревать, но должны идти в ногу со временем. Те, кто вычерчивает директивы поведения и составляет сценарии, знают, о чем здесь идет речь. Однако попавшиеся заговорщики зачастую лишь на очных ставках и в тюремных камерах узнают, кто они такие. Тогда этим людям приходится учиться соответствовать приписываемой им идентичности, идентифицироваться с ней, как и ставить подпись в протоколах допросов и признаниях, которые следуют заранее составленному сценарию. Тогда от ловкости, выдержки, терпения и жестокости соответствующего чиновника зависит, сколь быстро он достигнет цели и приведет к соответствию конкретную личность и приписываемую ей роль.²⁵ Прежде всего, во времена массовых действий в июле, августе и сентябре 1937 года, когда плановые цифры для арестов, депортаций и казней драматически взмыли ввысь и, например, в московском районе Кунцево иногда удавалось выбивать до пятидесяти признаний за ночь, – среди чиновников НКВД, страдающих от стресса, связанного с плановыми нормами, господствовали панические настроения. Дело доходило до самоубийств, так как чиновники не выдерживали давления. В конечном итоге, на врагов даже были составлены так называемые квоты: уже было недостаточно поляков, которые оправдывали бы «польское дело», в один прекрасный момент оказалось недостаточно немцев, а в другой – японцев, которые могли бы выступить в качестве агентов. Манипуляция национальностью или типом тогда начинает соотноситься с фабрикацией идентичности врага.²⁶ В произвольности или абсурдной детализации преступлений, в каковых следовало признаться, и заклю-

чается специфика хаотического и слепого насилия: крестьянка, которая была шпионкой Троцкого; железнодорожный рабочий, работавший на польскую секретную службу; радиодиктор, объявивший траурный марш Шопена в день зачитывания приговоров на показательном московском процессе; студент, записавшийся в эсперанто-клуб; крестьянин, случайно оказавшийся на платформе, по которой должны пройти особые отряды НКВД; эти категории населения пополняли лимит врагов народа. Разоблачение врага стало одним из главных доказательств бдительности, искренности и лояльности, и даже любви к родине. Разоблачение и критика врага – его сомнительного прошлого, его позиций, его халатности и так далее – стало именем двойственного процесса: критики и даже мести со стороны обойденных, угнетенных, пренебрегаемых в адрес «вышестоящих», но также и хлынувшего потока доносов, нуждающегося в своем дальнейшем подпитывании.²⁷ Повсюду удобно устроились партийные вожди, подобные альпинистским «связки», бонзы, и нетрудно было нападать на них, разоблачая и принуждая их к самокритике.²⁸ Час критики – это час доноса, клеветы, сведения счетов, расчета.²⁹ Отстранение руководящего персонала освобождает путь для собственного восхождения по службе. Речь идет о большом и малом: можно убрать с дороги любовника, можно получить квартиру с помощью доноса – одна из чаще всего называемых в протоколах причин доносов. Между тем, массовое движение доносительства, пущенное в ход сталинской группой, угрожает подорвать не только господство раскритикованных партийных вождей, но и авторитет партии в целом.

Вероятно, в самой большевистской партии фактически существовало глубоко засевшее представление, что классовая принадлежность имеет как бы биолого-генетическую коннотацию, а спокойствие и социальный мир, в конечном итоге, наступят лишь тогда, когда будут ликвидированы «остатки старых классов».³⁰ И все-таки истребительные акции 1937 года, прежде всего, массовые действия летом и осенью, сформированы не столько догматической верой, сколько элементарным страхом узурпаторов перед свержением режима движением, вышедшим из-под контроля – т. е. теми избирателями, которым обещали, что они смогут впервые и уникальным во всемирной истории способом участвовать во всеобщих, свободных и тайных выборах.³¹ Как раз по избирательной кампании 1937 года видно, сколь значи-

тельным был шок правящей партии из-за активного участия миллионов людей в, как всегда, управляемой политической жизни – никто на это не рассчитывал. По всем этим причинам ясно, почему «разоблачение» стало столь центральным лозунгом для 1937 года: оно отражает хаос социального переворота и отчаянную попытку партии сохранить при этом власть для приписывания, определения, производства врагов. Если же в пределах отчаянного и слепого «битья во все стороны» все-таки существовала определенная ориентация на массовое уничтожение, то речь идет о превентивных, профилактических убийствах членов определенных способных к сопротивлению групп: депортированных крестьян, потомков духовенства и дворян, «бывших», представителей нерусской национальности на периферии, иностранцев.³²

То, что предстает здесь в качестве вывода, заключено мною не столько из какого-то значительного исследования, но, прежде всего, следует из изучения протокола того пленарного заседания ЦК, которое продолжалось в Москве десять дней, со вторника, 23 февраля, до четверга, 5 марта 1937 г., и, таким образом, представляет собой нечто вроде нервного центра мысли 1937 года.³³

На этом собрании все примечательно: начало заседания было сдвинуто из-за происшедшего накануне самоубийства Серго Орджоникидзе, наркома тяжелой промышленности и тяжеловеса в руководящем ядре; Николай Бухарин и Алексей Рыков были арестованы прямо на вечернем пленарном заседании 27 февраля. Это пленарное заседание, как впоследствии оказалось, стало своего рода *brainstorming*. Здесь опробовалось то, что можно сказать в центральном ядре партии. Здесь разыгрываются ритуалы групповой солидарности и солидарности банд, а также выталкивания и изгнания. Опробуется то, в чем можно обвинить подлинное, крепкое ядро теснейших соратников. Это чудовищное зрелище, во многом – в конечном итоге, прослеживаемая директива режиссера относительно того, что может постигнуть внутреннее ядро власти, которая совершенно не уверена в самой себе. Этот документ достоин того, чтобы полностью опубликовать его особым изданием: лозунги «добить врага», реплики, призывающие к убийствам, истерия и паника провинциальных боссов, которые еще не полностью поняли то, что разыгрывается; наглость изолгавшихся «темных лошадок», которые стремятся втереться в доверие к руководству особенными гнусностями; отчаяние и мужество заранее приговоренных к смерти –

Бухарина, который, будучи изможденным от голодовки, плелся на пленум, и Рыкова, другого обреченного. Повестка дня пленума является подлинным ключом к постижению урагана, который пронесется по стране в ближайшие месяцы: первый пункт повестки дня: дела Бухарина и Рыкова – или тест на групповую сплоченность. Второй пункт повестки дня: развертывание внутрипартийной демократии – или как подводят базис под мятеж против руководства, не свергая руководства в Москве. Третий пункт повестки дня: подготовка всеобщих выборов – о которых пока еще никто не подозревает, что они могут стать опасным бумерангом. Отчасти речь идет о весьма личных отношениях: участники узнают кое-что об отношении Сталина и Мехлиса к джазу, о том, кто к кому обращается на *вы* или на *ты*, о практике заранее составлять протоколы допросов, о парткомах, много лет воспроизводящих себя по закону о кумовстве. И как раз оригинальный тон этого собрания может дать индивиду сведения об отчаянном положении и настроении в центре той самой якобы всемогущей тоталитарной партии.³⁴

ПОЕЗДКА НА СТРОЙПЛОЩАДКУ

К ситуации в Москве: молодой карьерист Никита Хрущев, первый секретарь московской парторганизации на февральско-мартовском пленуме, сообщал, что и Москва кишит троцкистами и вредителями. Троцкистские заговорщики, согласно его докладу, орудуют на многочисленных московских предприятиях: на предприятии №22 Мосэнерго, на самолетостроительных заводах, в Госбанке, в бюро *Наркомата тяжелой промышленности*. Волна партийных чисток, развязанная вредителями, кое-где почти уничтожила партию. Так, на заводе «Калибр» из 197 членов и кандидатов 113 были исключены. (*«Это, конечно, огромная цифра, безобразная цифра»*.)³⁵ На многих предприятиях исключенных теперь было больше, чем партийцев. Хрущев признаёт, что люди потеряли контроль, тем более – над таким большим городом, как Москва, где никто не знает, кто откуда приехал, где царит полная анонимность и где большинство партийных секретарей боятся ходить на собрания и держать ответ. Но – утверждает Хрущев – он со своей *«могучей армией»*, состоящей из 150 000 бойцов, *«окончательно искоренит враждебные классы, бандитов, фашистов, троцкистов, зинovieвцев и првых»*.³⁶

В замечании Хрущева ощущается нечто от размаха перемен, которые происходили в Москве и с Москвой, но также и от отчаяния правящей партии, не справляющейся с этой суматохой. Москва – микрокосм драматических политических, социальных и культурных перемен, свершившихся с Россией за два десятилетия, предшествующие 1937 году. Москва – не только столица, но и главная стройплощадка, крупнейшая стройка Союза. Здесь непрерывно продолжает концентрироваться не только политическая власть, но и все остальные ветви власти: завершился переезд науки, культуры, специалистов из прежней столицы. Недавний переезд Российской академии наук в 1934 г., но, прежде всего, принятие Генерального плана реконструкции Москвы в 1935 г., которая должна была превратить город в конкурентоспособную на международной арене столицу, известным образом и внешне довершают *translatio imperii*. К двадцатой годовщине Октября в 1937 г. на кремлевские башни, откуда когда-то были низвергнуты царские орлы и водружены серпы и молоты, теперь были помещены красные рубиновые звезды. И неслучайно, что важнейшие архитекторы новой Москвы – Борис Иофан, Иван Жолтовский, Владимир Щуко и Владимир Гельфрейх – происходят из Санкт-Петербургской академической традиции, которая, между тем, училась у зодчих авангарда, но также – непрерывно – и у Америки.³⁷

Все, что может предложить власть, инвестируется в преобразование города. Однако и здесь мы опять-таки имеем двойственный процесс: проводимую сверху, планомерную перестройку, *grand design, Masterplan*, – но также и спонтанный процесс урбанизации, который подпитывается потрясениями социальной революции, прежде всего, насильственно осуществляемой коллективизацией деревни, отрывом от корней многих миллионов крестьян, которым не остается иного пути, кроме бегства в города и на так называемые «*великие стройки социализма*». Москва – крупнейшая из них. И к стаккато событий, о котором шла речь прежде – когда я говорил об историческом и календарном времени – можно было бы добавить еще одно стаккато, густую последовательность трансформации московского городского пространства.

Подобно тому, как в 1937 г. не проходит ни дня без какого-нибудь решающего, ошеломляющего события, – так ни дня не проходит без серьезного вмешательства в структуру, в форму городского пространства. Преобразование города на глазах современников оставило след не только на уровне

газет, журналов и фильмов, но и в дневниках и в сообщениях о путешествиях.³⁸ Это преобразование – сколь бы оно ни было стилизовано, превратившись в особый топос, важный с точки зрения политики господства – представляет собой легко реконструируемый факт из-за обилия материала. Генеральный план, завершение коего намечалось на 1945 год и разрабатывавшийся с 1930 года, уже действовал. Но 1937 год со всеми его юбилеями и знаменательными датами, стимулировал и застройщиков. Поэтому 37-й – год не только воспоминаний, памяти, ретроспекции, не только римейк событий 1917 г., но также и год премьер, открытий, планирования и новых концепций. Подобно тому, как прежде мы говорили о вихре событий, так и теперь мы можем говорить о вихре перцепции городского пространства. Едва ли проходил день, чтобы не открывался новый вид, новый фасад, новая перспектива. В фильме Александра Медведкина «Новая Москва» (1939), где из реальных и моделированных изображений составлялся новый город, эта трансформация происходит с такой бешеной скоростью, что некий художник перестает рисовать, так как его объект изменяется стремительнее, чем он может зарисовывать. В другом эпизоде срывается свидание, так как место встречи, о котором условилась влюбленная пара, исчезло вследствие перестройки. В другом фильме есть следующий текст: *«Пять дней назад вы видели улицы Москвы такими, как вы их знали на протяжении четверти века, и вдруг все меняется. Перед вами располагаются свободные пространства, площади и широкие проспекты с фасадами домов, по сравнению с которыми вчерашний гигант – Дом Советов – всего лишь какой-то флигель, если не хижина... Строительный мусор, отходы кирпичей и железа, стены и углы домов обрушивались и исчезали, как исчезают театральные декорации. На мостовых и тротуарах стояло много удивленных ночных прохожих..., они видели, как исчезла стена, знакомая им с детства, как были увезены последние обломки белой стены и открылась перспектива улиц и площадей под необычным, новым углом зрения...»*³⁹

Новый московский дискурс тридцатых годов касается оппозиции между Москвой старой и новой, дореволюционной и послереволюционной, дворянско-буржуазной и пролетарско-социалистической, городом текстильной и металлообрабатывающей промышленности, затхлым и тесным – прямым и щедрым, пыльным и темным – светлым и наполненным воздухом, анархическим – планомер-

ным. Для старой Москвы характерен извозчик, для новой – метрополитен и троллейбус; старая Москва громоздка и медленна, новая – стремительна. Сколько бы ни было тут преувеличений, стилизации, пропаганды – Москва все равно была городом молниеносных и радикальных перемен.⁴⁰

Наиболее значительным в количественном отношении изменением стало взрывообразное увеличение населения. С 4,1 млн. человек (1939) Москва превратилась в четвертый по величине город мира после Нью-Йорка, Лондона и Берлина – и обустройству города в мировом масштабе непрерывно придавалось все большее значение – но решающий момент в этих данных еще не проявился. Население города более чем удвоилось за десятилетие, и это было столь же неслыханным, как стоявший за этим процесс урбанизации. Перед Первой мировой войной в Москве проживало примерно 1,6 млн. жителей, в суматохе революции и гражданской войны количество жителей из-за их бегства из города даже уменьшилось приблизительно до миллиона. Но произошедшее впоследствии было беспрецедентным: фактическое удвоение населения менее чем за десятилетие. Только между 1926 и 1937 гг. Москва ежегодно растет приблизительно на 162 000 человек в год, так что в общем население увеличивается с 2 до 3,6 млн. Моше Левин назвал это «*гиперурбанизацией*», а общество, из которого возник этот город – «*обществом речных песков*».⁴¹ Тем самым он имел в виду секулярный процесс лишения корней, коллективизацию русской деревни, из-за чего городское население повсюду выросло, а географическая карта Советского Союза радикально изменилась.

Этот стремительный процесс трудно назвать урбанизацией, и Моше Левин предпочитал говорить о рурализации городов. А Дэвид Хоффман озаглавил свое исследование Москвы *Peasant Metropolis* («Крестьянская метрополия»)⁴² И фактически внутренние и социокультурные изменения в городе оказались гораздо серьезнее внешних. Это означало, что доля родившихся и живущих в городе в течение нескольких поколений жителей, «коренных» москвичей, отчетливо уменьшилась из-за революции и гражданской войны, бегства из города и эмиграции – возник как бы деурбанизированный город. А это означало, что пролетариат, который до 1914 г. формировался за два-три поколения, вследствие консервации промышленности в годы гражданской войны на время даже вновь исчез – и что, по существу, мы имеем дело с но-

вым образованием промышленного пролетариата в процессе индустриализации в конце 20-х и в начале 30-х гг. Москве была необходима рабочая сила, и со всей страны на великие стройки коммунизма – метро, канал «Москва-Волга», Дворец Советов – вербовались и приезжали в город рабочие со всего Союза, прежде всего, молодежь. Москва – большой город и одно из тех мест, где может нелегально жить каждый, кто ищет там работу.⁴³ Итак, существует много бросающихся в глаза черт этой метрополии: это крестьянская метрополия, это метрополия молодежи, это город, где старые сословия и классы только продолжают фрагментироваться и атомизироваться, продолжая существование в качестве «элементов»; это точка бегства многих тысяч, оставленных после себя отсталой страной, но также и маленький город, местечко. Особенно значительной была иммиграция также из центров бывшей еврейской черты оседлости.⁴⁴ Нетрудно представить себе культурные и социальные импликации этого. Город отчетливо отражает парадоксы и катаклизмы советской модернизации. Город не подготовлен к значительной иммиграции. Еще дореволюционная Москва обладала весьма слабой инфраструктурой, при отсутствии развитого жилищного строительства и транспортной системы, которая была бы хотя бы приблизительно удовлетворительной.⁴⁵ Теперь из-за давления сотен тысяч иммигрантов городу грозит прямо-таки коллапс. Генеральный план 1935 г., каким бы ни было его пропагандистское самописание, стал для развития города жизненно необходимым, собственно говоря, давно назревшим проектом – здесь Москва полностью соответствует тенденции времени, пусть и со сдвигом по фазе и с присущими ей беспощадными формами реализации планов.⁴⁶

Советские власти непрерывно пытались справиться со стихийным потоком миграции, который они сами и развязали или форсировали. Введение паспортов, строгая обязанность прописки, принудительные депортации так называемых асоциальных, или «бывших элементов», и возвращение «земляческой связи» должны были сдерживать неконтролируемый рост Москвы. Драконовские меры на время даже дали какой-то эффект.⁴⁷

И все-таки большой город оставался для многих местом выживания. В Москве имелись школы, техникумы, фабрики. Москва была не только местом бегства для утративших корни и отчаявшихся, но и наконец-то достигнутым трам-

плином для всех, кто стремился выдвинуться, и притом любой ценой. Великую суматоху, каковая является отличительным признаком 1937 года, невозможно понять без этого значительного движения, в которое вовлечен старый город с его структурами, барьерами, традициями, и в котором – благодаря массовой и неукротимой иммиграции – возникает новый город. По существу, это вызванный социальными «выбросами» обмен населением, когда, с одной стороны, растворяется все жесткое, а с другой, не существует устойчивых новообразований. Нам приходится иметь дело с иммигрантами, которые перестали быть крестьянами, еще не сформировав новой и определенной идентичности – прежде всего, в качестве промышленных рабочих. Это город в непрерывном течении, в котором из-под ног уносятся традиции и жизненные привычки. То, что в прочих случаях, вероятно, происходило определенными толчками, растягиваясь на длительное время, на два-три поколения, случилось здесь за историческую секунду, как шок. То, что было внесено в город вместе с крестьянскими иммигрантами – их собственные жизненные миры – они могли взять с собой лишь во фрагментированном, парцеллированном, атомизированном виде. Речь шла о переходных идентичностях, о том, что сегодня называют гибридами, с биографиями, в силу своей разорванности с тем большим основанием обещавшими будущее.⁴⁸ Это большая лаборатория, в которой за совсем небольшой промежуток времени происходили те учебные процессы, каковые в других местах требовали целых эпох. Мы знаем связанные с этим учебные процессы по другим линиям модернизации: необходимо обучаться тому, как двигаются при ускоренном уличном движении; существуют курсы, где учатся тому, как входить в трамвай или вагон метро и выходить из них; учатся *культурному* поведению; необходимо вообще впервые обучаться тому, что такое дисциплина, регулируемая машиной и часами, а не ходом солнца или временами года.⁴⁹ Все стихийные шаги цивилизационной рутины должны были заучиваться при большом скачке в мир конвейера и плановой экономики. И делалось это не без воодушевления, потому что для этого существовало то, чего никогда не было при старых отношениях: вечерние курсы, посещение звукового кино, поездка по каналу Москва-Волга или доклад в *Политехническом музее* – символы выдвигания масс на высоты современной жизни.⁵⁰

Судя по всему, что произошло, преувеличением ли будет сказать, что мы имеем дело с основанием города на руинах русской деревни и при ожесточенном разрушении традиционных жизненных форм и в других местах – например, в местечках или на «периферии» Востока? Преувеличением ли будет сказать, что речь здесь идет о подлинной социальной лаборатории в условиях чрезмерного давления? И не этот ли процесс – разрушение социальной структуры целой страны, и даже целой империи, «*странствующей империи*» (Питер Гартрелл) – стал основой для возникновения человеческой агломерации, из которой впоследствии по прошествии многих столетий вновь возникнет город? И требуется ли такое скопление утративших корни людей на узком пространстве, чтобы понять, какие энергии сочетались здесь в поисках выражения и самореализации в 1937 году? Восхождение многих тысяч людей на средние и отчасти верхние этажи власти, институтов, которые освободились благодаря чисткам, было одной формой соответствующего развития. Переустройство города в большом стиле и на длительный срок – другой.

Москва – это не только большая человеческая центрифуга, но и стройплощадка, от которой у посетителей захватывает дух. Как можно вкратце резюмировать идею Генерального плана 1935 г.? В основательных и резких дискуссиях перед его ратификацией выкристаллизовалось ясное решение для критического продолжения развития Москвы – и притом в борьбе с радикальными вариантами сносов и новостроек (среди которых – проект Ле Корбюзье), но также и в борьбе с простым сохранением наличной структуры.⁵¹ Радиальной структуре предстояло остаться сохраненной и продолженной дальнейшими кольцами. Большие магистрали в направлении Север-Юг и Запад-Восток должны были «раскупорить» движение города, чье население не должно было превышать границу 5 млн. Эти оси сооружались либо посредством расширения существующих, либо посредством прокладывания новых улиц. Новые магистрали и вновь спроектированные площади были основным полем строительной деятельности, начиная с 1935 года. Должны были возводиться не отдельные постройки, но органические ансамбли. Новые постройки своим стилем, высотой, размерами предвосхищали Москву будущего. Архитекторы отталкивались от формального языка конструктивистов: определяющими были Палладио, ар-деко, так называемый

сталинский модерн, монументальный, но все-таки и лаконичный стиль: военная академия, гостиница «Москва», библиотека имени Ленина, несколько жилых домов на улице Горького.⁵² Все типы построек, подходящие для оформления современной метрополии, оказались фирменными знаками для Генерального плана – будь то кинотеатры или портовые сооружения, насосные станции или мосты, жилые комплексы для элиты – композиторов, писателей и т. д. – или дворцы культуры, парки культуры и отдыха. Речь шла о мощной и впечатляющей программе реконструкции, в рамках которой особенную важность приобретали три проекта: во-первых, строительство метро, чья первая линия длиной 12 км была открыта уже в 1935 г.⁵³ Во-вторых, канал Москва-Волга, который не только превратил Москву в порт пяти морей, но и решил проблемы водоснабжения столицы, регулирования половодья и т. д.⁵⁴ Канал, протекающий в непосредственной близости от столицы, впрочем, был сооружен заключенными *Дмитлага* – в начале стройки в 1935 г. там трудилось 196 000 осужденных рабочих, а при ликвидации лагеря произошло их массовое убийство.⁵⁵ Третьим великим проектом стал выросший из конкурентной борьбы проект Дворца Советов, на первом этаже которого был предусмотрен зал на 15 000 человек. Дворец, которому предстояло быть возведенным на месте взорванного семью тоннами аммонала и 1 500 электрическими взрывателями храма Христа Спасителя, обозначал собой новый центр города и вообще являлся символом для семантической перекодировки Москвы.⁵⁶ Снос и взрывание десятков, и даже сотен церквей, монастырей, но также и значительных светских сооружений были даже не изобретением 1937 года – масса их пала жертвой культурной революции уже после 1929 г. – но в 1937 г. наступила новая волна сносов.⁵⁷ Дело лишь едва не дошло до того, что ради расширения подъезда к Красной площади был бы снесен храм Василия Блаженного. Здесь опять-таки были жертвы: Петр Барановский, главный хранитель памятников Москвы, был арестован и сослан за протест; обвинение звучало так: «попытка покушения на Сталина». Владимир Невский, стремившийся спасти от сноса кремлевские соборы, был расстрелян в 1937 г. Нет такой сферы, где не бушевало бы насилие.⁵⁸

Неизбежно происходило некое изменение в самовосприятии города. Сюда относится постоянное и заметное присутствие горнорабочих, прокладывавших

тоннели для линий метро; сдвиги целых кварталов туда, где их считали достойными сохранения; применение экскаваторов и бульдозеров; водолазы, работавшие при сооружении быков для мостов; и повсюду команды взрывников, пускавших на воздух десятки и даже сотни зданий, загораживавших путь, – прежде всего, церковей и монастырей. Когда исчезали обширные пространства старой Москвы закоулков, двухэтажных рядов домиков, многочисленных церковей и колоколен, росла Москва новая: просторная, помпезная, монументальная, ориентированная на Америку эпохи New Deal, Москва, выглядевшая поначалу как собрание одиночек, которые в обозримое время должны были образовать новый рельеф с новыми масштабами и новым представлением о пространстве. Символом этого нового города, его публично провозглашенным центром был Дворец Советов, сооружение которого началось и фундамент которого был виден уже в 1937 г.: здание высотой 420 м, которое должно было превосходить Empire State Building и стать той точкой, вокруг которой должен был в будущем вращаться весь город. Но дело выглядит так, словно эта башня и все новые магистрали и бульвары служили не только конкретному предвосхищению новой Москвы, но и тому, чтобы предоставить опору городу каким он был.⁵⁹ Москва была – как легко можно себе представить – двойным городом, *a dual city*, как называл ее Тимоти Колтон: с одной стороны, город каменный, грандиозный, демонстративный, монументальный. Но для жителей это был также и, прежде всего, город деревянных домиков, предместий, куда не ходил трамвай и откуда рабочим ежедневно приходилось добираться пешком два часа на работу и два часа домой; город кварталов, в которых сотни тысяч людей жили без водопровода и канализации, а сотни иммигрантов с семьями ютились бараках, подвалах и временках. 35% площади жилья, построенного между 1935 и 1937 гг., приходилось на бараки. 60% рабочих крупного завода «Серп и молот» жили в подобных жилищах. Британский большевистский симпатизант Э.Д. Саймон писал в книге о Москве 1937 года, что московские семьи были рады жилищам, подобные каковым были уже давно снесены в Манчестере.⁶⁰ Сложно что-то понять о давлении и социально-политической температуре города в 1937 году, если не добавить к видимому городу невидимый: ночлежки, фабричные помещения, где люди не только работали днем, но и ночевали; вокзалы, которые были шлюзами между городом и сельской

местностью; парки, где можно было отдыхать и встречаться, по крайней мере, в нерабочее время – словом, все не-места, в каких «общества речного песка» (Моше Левин) могли на некоторое время, по меньшей мере, конденсироваться и выкристаллизовываться. К крупнейшим проблемам исследований относится вообще возможность восприятия этих «не-мест» (Марк Оже), где выкристаллизовалась социальная жизнь сотен тысяч людей и многих поколений. Так, молодая москвичка Нина Луговская записала в своем примечательном дневнике, который оборвался после обыска и ареста в январе 1937 г., разговоры, подслушанные ею в трамвае: «Я входила и выходила, прислушиваясь к разговорам прохожих. Мне удалось подслушать несколько слов, в которых можно усмотреть ошеломленность и отчасти также злую иронию».⁶¹ Или на вокзале: «Чего только не рассказывают приезжие из провинции! (...) Постоянно и непрерывно беженцы вливаются в большие города. Очень часто они уже возвращались, будучи посланными в длинных поездах на верную смерть. И все-таки в борьбе за существование жизнь остается победительницей, хотя люди умирают в поездах и на вокзалах, но все-таки некоторым удается попасть в Москву».⁶² Многое из того, что разыгрывается в серых зонах и в не-местах, даже находит доступ в контролируемую столичную прессу 1937 года: сообщения об убийствах ради ограбления, о кражах, о перебоях со снабжением, о стоянии в очередях и о постоянной невообразимой нехватке жилья для иммигрантов. Только город барачков, каким Москва была тогда, и Москва номенклатуры, сталинского *high society*, которую мы знаем по красивым рисункам Генерального плана и башням новой Москвы – только обе вместе дают тот материал, из которого состоит Москва 1937 года.

ПРОСТРАНСТВА ЛИКОВАНИЯ, ПРОСТРАНСТВА ТЕРРОРА

К наиболее шокирующим и в то же время важнейшим переживаниям при этом вживании в чуждое для нас – родившихся позже – время относится одновременность неодновременности, рядоположенность террора и нормальности, обычного и сенсационного, лозунговых заголовков и напечатанных мелким шрифтом заметок, передовых статей и прозы газетных объявлений, отретушированных пропагандистских фотографий и непритязательной рекламы,

как они схватываются при чтении газет – например, в таком центральном политическом органе, как «Правда», или в такой массовой столичной газете, как «Вечерняя Москва». Газеты как протоколисты текущих событий не только формируют хроникальную последовательность, то стаккато, от которого и теперь еще может голова кругом идти. Они также отображают те места, в каких все разыгрывается. Вместе взятые, они образуют пространство исторического действия: все здесь располагается рядом, одно переходит в другое: пространства ликования и пространства террора, сцены триумфа и столы, за которыми сидят приговоренные к смерти; недавно обустроенные общественные места столицы и отдаленные места повседневно проводившихся экзекуций.

В качестве примера можно взять любой день "X" или любую неделю "X", например, газет «Вечерняя Москва» или «Правда». Здесь наряду с объявлением смертных приговоров в процессе Пятакова располагается объявление о фортепьянном конкурсе; сообщения о расширении сети парикмахерских салонов и химчисток соседствуют с сообщениями о растущей военной опасности; парад спортсменов на Красной площади сочетается с инструкцией о том, как распознавать шпионов; совершённый вредителями акт саботажа располагается рядом с сообщением о *Международном геологическом конгрессе*; объявление смертного приговора – рядом с объявлением о самых свободных в мире выборах; кроссворд – рядом с вручением орденов стахановцам; инструктаж по строительству дачи – с призывом к солидарности со сражающейся Испанией.

Наряду с физиономиями врагов народа, несомненно, имеющих черты старой русской – и еврейской – интеллигенции, мы находим портреты орденосных стахановцев в белых рубашках и галстуках. Реклама нового звукового фильма «Великий гражданин», представляющего собой также руководство по борьбе с саботажниками и вредителями, располагается рядом с рекламой солидного издания классика. Рекламная серия к сотой годовщине Пушкина идет рука об руку с разоблачением врагов народа. План этажей центрального универсального магазина ЦУМ, ориентированный на нью-йоркский магазин Масы's, публикуется рядом с сообщением о строительстве канала Москва-Волга, который был возведен рабочими *Дмитлага*. Реклама отпускной поездки в Кисловодск или Сочи публикуется рядом с сообщением

о железнодорожной катастрофе, спровоцированной агентами японской спецслужбы.

К тому же, все это разворачивается на чрезвычайно узком пространстве. Старая Москва становится кулисами инсценировки власти. Октябрьский зал Дома Союзов, т. е. бывшее здание Дворянского Соборания, делается средой для больших показательных процессов. Для главных мероприятий, на которых празднуется двадцатая годовщина революции, основание ЧК или Красной Армии, как раз достаточно подходит помпезная сцена Большого Театра. На местах отдыха и разрядки – например, в парке Горького или в парках Сокольники и Измайлово – через громкоговорители идут репортажи о заседаниях судов и передаются речи травли.⁶³ Сопровождающиеся разбрасыванием конфетти парады в честь вернувшихся из Америки летчиков, которые впервые совершили беспосадочный перелет через Северный полюс, перемежаются с собраниями масс, на которых требуют смерти врагам народа.⁶⁴ Политбюро, постановившее казнить военное руководство, принимает парад 40 000 спортсменов на Красной площади. Открытие одного из крупнейших и интереснейших библиотечных зданий в мире – *Ленинской библиотеки* по проекту Щуко – сочетается с чисткой хранения и устройством специального хранилища для запретной литературы. В кинотеатре «Ударник» идут советские кинокомедии *а-ля* Голливуд, а в соседнем Доме Правительства из-за арестов пустуют квартиры.⁶⁵ Тюремь располагаются в пределах видимости от недавно возведенных школ, и каждый знает, что перевозится в черных фургонах для развозки товаров. Строительные работы на канале проходят совсем рядом с дачными поселками. В зоне канала издается лагерная газета, в которой сообщают о «*перековке*» уголовников в «*новых людей*», а заключенных – в ударников.

Речь идет не только о физическом соприсутствии и сосуществовании, но о чем-то гораздо большем, – подобно тому, как пространство города больше, чем просто размещение физических объектов, построек, площадей. Городские пространства конституированы движением людей, связями и землячествами, движением транспорта. Вместе с людьми в них циркулируют книги, мысли, идеи, слухи. Города служат центрами социализации людей. Москву 1937 года можно представить в виде карт: как топографию власти и как топографию страха, как топографию включения и изгнания, как топографию маленького счастья и как *mental map* заго-

воров. На карту можно нанести то, что Александр Солженицын называл «*пространством машин*», а Элиас Канетти – «*утробой власти*». Если наложить друг на друга всё или рассмотреть все вместе, то получается то, что сегодня называется «пэтчворком», лоскутным ковром взаимно проникающих, налагающихся друг на друга, или даже совершенно не соприкасающихся жизненных миров. Вместе взятые, они дают интересующий нас здесь объект – Москва, 1937.

Констатация этой рядоположенности или этого взаимовложения эпистемически поучительна. Таким образом, место имплицитно нечто вроде заповеди сложности или, мягче говоря: оно всегда подразумевает приглашение к сомышлению о рядоположении и противоположении. Кто доверяет какому-либо месту, доверяет арене и месту действия, где он всегда встречается со всеми участниками драмы: со злоумышленниками и с жертвами, с жертвами и со злоумышленниками. В нашем случае это сыграло в высшей степени роковую роль. Это означает, что мы имеем в виду и то и другое: ликование и онемение, лица выдвигенцев и жесты обреченных на падение, терроризм и парад, безупречные тела новых людей и мучимые руки и ноги пытаемых, закат старой Москвы и рождение жизненной формы, которая будет длительное время определяющей для России XX века – и не только для нее.

В ОКЕ УРАГАНА

Было бы прекрасно, если бы в конце можно было бы сделать замечание примиряющее, синтезирующее, приводящее к хорошему концу, и, вероятно, даже вновь возвращающее к нарративу прогресса. Но такового замечания нет, поскольку в том, что исчезло в этой трещине, в этом разрыве 1937 г., уже ничего нельзя изменить. Мы можем лишь попытаться – вообразить через бездну момент, который как будто до сих пор не прояснен. Мы можем наделить онемевших мертвых нашими голосами. Для многих это слишком мало, для меня это сложнейшая, и даже почти невозможная задача. Ведь мы должны – пусть только в грядущем, т. е. в защищенном пространстве *post festum* – выдержать апории, о которые разбились представители рассматриваемого поколения. Все представленные здесь рассуждения – пока еще не история, но предварительное условие для восприятия истории, за каковым, вероятно, может последовать и некое изображение.

Остается задача: найти уместную форму изображения для этой задачи, которую еще следует решить, для этого вихря, для этого чрезвычайного положения, для этих перемежающихся пространств ликования и террора. Идея о том, что можно фланировать по Москве 1937 года в стиле Вальтера Беньямина, является ошибочной. И я это понял. Фигура фланера на этих монументальных площадях не только подозрительна, но и представляет собой опасный для жизни анахронизм. Скорее, здесь уместны марширующие колонны, парады, спортсмены и их ритм. Вероятно, лучше нам будет не отступать от Сергея Эйзенштейна и проследовать туда, где он пытался создать свой образ Москвы в 1937 году: куда-нибудь в око урагана.

Примечания:

- ¹ За ссылку на рассматриваемый проект Эйзенштейна я благодарю Оксану Булгакову, рассуждавшую о нем в докладе «Москва во времени»; цитата взята из: Marie Seton, *Sergei Eisenstein*, L., 1978; см. также: Oksana Bulgakowa, "Spatial Figures in Soviet Cinema of the 1930s". In: Evgeny Dobrenko, Eric Naiman (ed.), *The Landscape of Stalinism. The Art and Ideology of Soviet Space*, Seattle, L., 2003. Об этом проекте говорит также: Y. Barna, *Eisenstein. The Growth of a Cinematic Genius*, Boston, Toronto, 1973.
- ² Lion Feuchtwanger, *Moskau 1937. Ein Reisebericht für meine Freunde*, Berlin, 1993. Впервые она вышла летом 1937 г. в Querido Verlag, Amsterdam; ср. раздел о поездке в Москву в: Volker Skierka, *Lion Feuchtwanger. Eine Biographie*, hg. von Stefan Jaeger, Berlin, 1984.
- ³ Jochen Hellbeck (Hg.), *Tagebuch aus Moskau 1931-1939*, München, 1996.
- ⁴ Прочитировано в: Wladislaw Hedeler, *Chronik der Moskauer Schauprozesse 1936, 1937 und 1938. Planung, Inszenierung und Wirkung*, mit einem Essay von Steffen Dietzsch, Berlin, 2003.
- ⁵ *Вся Москва. Адресно-справочная книга. 1936 год*, М., 1936; о московских адресных книгах как источниках см. также: Karl Schlögel, *Moskau lesen*, Berlin, 1984; Sheila Fitzpatrick, Lynne Viola (ed.), *A Researcher's to Sources on Soviet Social History in the 1930s*, N.Y., L., 1990.
- ⁶ См., например, серию *Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий*, издающуюся постоянной совместной Комиссией Правительств Москвы по восстановлению жертв политических репрессий, а также документацию общества «Мемориал». См. *Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий*, М., 2002. О проблематике исследований террора см. Barry McLoughlin (ed.), *Stalin's Terror. High Politics and Mass Repression in the Soviet Union*, Basingstoke, 2004; J. Arch Getty, Roberta T. Manning (ed.), *Stalinist Terror. New Perspectives*, Cambridge, 1993; Wladislaw Hedeler (Hg.), *Stalinscher Terror 1934-41. Eine Forschungsbilanz*, Berlin, 2002.

- 7 Так документировано в: David King, *Stalins Retuschen. Foto- und Kunstmanipulationen in der Sowjetunion*, Hamburg, 1997.
- 8 Roy Medwedjew, *Die Wahrheit ist unsere Stärke*, Frankfurt/M, 1973; Robert Conquest, *Der große Terror 1934-1938*, München, 1993; Wadim S. Rogowin, *1937. Jahr des Terrors*, Essen, 1998; Jörg Baberowski, *Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*, München, 2003.
- 9 Medwedjew, *Die Wahrheit ist unsere Stärke*, а. а. О.
- 10 Исчерпывающий обзор содержится в сборниках *Бутковский полигон*, а. а. О.; день за днем описан в: Hedeler, *Chronik der Moskauer Schauprozesse*, а. а. О.; сравнение оценок содержится в: Timothy J. Colton, *Moscow. Governing the Socialist Metropolis*, Cambridge, Mass. L., 1995.
- 11 Анна Ахматова, *Стихотворения и поэмы*, под ред. А.И. Павловского, Л., 1989.
- 12 R.C. Tucker (ed.), *Stalinism, Essays in Historical Interpretation*, N.Y., 1977; Nick Lampert, Gábor T. Rittersporn, *Stalinism: Its Nature and Aftermath*, Armonk, N.Y., 1992; Manfred Hildermeier, *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg*, München, 1998; Sheila Fitzpatrick (ed.), *Stalinism. New Directions*, L., 2000; Sheila Fitzpatrick, *Everyday Stalinism. Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*, Oxford, 1999; Chris Ward, *Stalin's Russia*, L., 1999.
- 13 Michail Ryklin, *Räume des Jubels: Totalitarismus und Differenz*, Frankfurt/M, 2003 [или рус. изд.: Михаил Рыклин, *Пространства ликования: тоталитаризм и различие*, М., 2003]; Karen Petrone, *Life has become more Joyous, Celebrations in the Time of Stalin*, Bloomington, Ind., 2000; Jeffrey Brooks, *Thank you, comrade Stalin!*, Princeton, N. J., 2000.
- 14 Эта характеристика восходит к: Stephen Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*, Berkeley, 1995.
- 15 Труды, сравнивающие два режима: Alan Bullock, *Hitler and Stalin: Parallele Leben*, Gütersloh, 1993; Ian Kershaw (ed.), *Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison*, Cambridge, 1997; Richard Overy, *The Dictators*, L., N.Y., 2004.
- 16 Наиболее обширное и детальное рассмотрение этого периода содержится в: Hedeler, *Chronik der Moskauer Schauprozesse*, а. а. О.
- 17 Nicolas Werth, *Les procès de Moscou. 1936-1938*, Bruxelles, 1987; Pierre Broué, *Communistes contre Staline*, Paris, 2003.
- 18 А.И. Кокурин, Н.В. Петров (ред.), *ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918 – 1960*, М., 2002.
- 19 J. Arch Getty, Oleg V. Naumov (ed.), *The Road to Terror*, а. а. О.; А.Н. Яковлева (ред.), *Реабилитация: Политические процессы 30-50-х годов*, М., 1991; А. Артизов, И. Шевчук, В. Хлопов (ред.), *Реабилитация: Как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956*, М., 2000; Rolf Binner, Marc Junge, «С этой публичной церемонией не следует». Die Zielgruppe des Befehls Nr. 00447 und der Große Terror aus der Sicht des Befehls Nr. 00447". In: *Cahiers du Monde russe* 43, 2002, 1; Rolf Binner, Marc Junge, "Wie der Terror "groß" wurde: Massenmord und Lagerhaft nach Befehl 00447". In: *Cahiers du Monde russe* 42, 2001, 2-4.
- 20 После смены парадигмы от исследований тоталитаризма к социальной истории делались, скорее, синтетические попытки исследований. Биографический подход: Simon Sebag Montefiore, *Stalin, the Court of the Red Tsar*, L., 2003; Dimitri Wolkogonow, *Stalin. Triumph and Tragödie*, Düsseldorf, 1989; Robert H. McNeal, *Stalin*, N.Y., 1988; Robert Service, *Stalin. A Biography*, Cambridge, Mass., 2005. Ведущими для обновления подхода являются: J. Arch Getty, *Origin of the Great Purges*, Cambridge, 1985; Kotkin, *Magnetic Mountain*, а. а. О.; Gábor Tamás Rittersporn,

Stalinist Simplifications and Soviet Complications, Chur, 1991.

- 21 J. Arch Getty, "“Excesses are not permitted”: Mass Terror and Stalinist Governance in the Late 1930s”. In: *The Russian Review* 61, 2002; последовательность событий хорошо показана в форме хроники в: Hedeler, *Chronik der Moskauer Schauprozesse*, а. а. О.
- 22 Barry McLoughlin, “Die Massenoperation des NKWD. Dynamik des Terrors 1937/38”. In: *Stalinischer Terror 1934-41*, hg. von Wladislaw Hedeler, Berlin 2002.
- 23 Новые документы о советском участии в испанской гражданской войне: Ronald Radosh, Mary R. Habeck, Grigory Sevastianov (ed.), *Spain betrayed: the Soviet Union in the Spanish Civil War*, L., 2001; о международных коммунистах в Москве как мишени преследований: William J. Chase, *Enemy within the Gates? The Comintern and the Stalinist Repression, 1934-1939*, L., 2001.
- 24 «Вредительство» на примере железных дорог проанализировано в: E.A. Rees, *Stalinism and Soviet Rail Transport, 1928-1941*, N.Y., 1995; более обобщенно о заговорщических связях см.: Rittersporn, *Stalinist Simplifications and Soviet Complications*, а. а. О.
- 25 О московском предместье написана работа: Alexander Vatlin, *Tatort Kunzewo. Opfer und Täter des Stalinschen Terror 1937/38*, Berlin, 2003. О выколачиваемом приспособлении высказываний жертв к сценариям НКВД – *file identity* [англ. идентичность согласно досье – прим. пер.] – пишет: Sheila Fitzpatrick, *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in the Twentieth-Century Russia*, Princeton, 2005.
- 26 Наряду с Vatlin, *Tatort Kunzewo*, см. также: Reinhard Müller, *Menschenfalle Moskau. Exil und stalinistische Verfolgung*, Hamburg, 2001.
- 27 См., на мой взгляд, наиболее полное описание этого: Robert Conquest, *Der große Terror. Sowjetunion 1934-1938*, München, 1993.
- 28 О массовой критике снизу см.: Getty, *Origins of the Great Purges*, а. а. О.; о целевых группах и динамике, см.: Binner, Junge, ““С этой публикой церемониться не следует””, а. а. О.; Binner, Junge, “Wie der Terror “groß” wurde”, а. а. О.
- 29 Wendy Goldmann, “Stalinist Terror and Democracy: The 1937 Union Campaign”. In: *The American Historical Review*, December 2005.
- 30 Nicolas Werth, “Les Déportations des “populations suspects” dans les espaces russes et soviétiques 1914 – 1953”. In: *Communisme* 78/79, 2004.
- 31 J. Arch Getty, “State and Society under Stalin: Constitutions and Elections”. In: *Slavic Review* 50, 1, Spring 1991.
- 32 Анализ, простирающийся до кануна Большого Террора, см.: Golfo Alexopoulos, *Stalin’s Outcasts, Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926-1936*, Ithaca, L., 2003.
- 33 Протоколы февральско-мартовского пленума перепечатаны в «*Вопросы истории*» VI, 2-11, 1992-1995. Подробные комментарии можно найти в: Hedeler, *Chronik der Moskauer Schauprozesse*, а. а. О.
- 34 С необходимостью селективная цитация выводов у Гетти, Наумова – и Хеделера – позволяет немного узнать об отчаянном настроении в высших органах.
- 35 *Вопросы истории* IV, 8, 1995.
- 36 *Вопросы истории* IV, 8, 1995.
- 37 Об этом: Alan Ball, *Imagining America: Influence and Images in Twentieth-Century Russia*, N.Y., 2003; с советской стороны поучительным является фоторепортаж писателей Ильи Ильфа и Евгения Петрова, «Американские фотографии». В: *Ozonek*, 11-23, 1936.

- 38 К примеру: Sir E.D. Simon and others, *Moscow in the Making*, L., 1937; о путешествиях западных интеллектуалов см.: Paul Hollander, *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China and Cuba, 1928 – 1978*, N.Y., 1981; Sylvia R. Margulies, *The Pilgrimage to Russia*, Madison, 1968; Rachel Mazuy, *Croire plutôt que voir? Voyage en Russie Soviétique, 1919 – 1939*, Paris, 2004.
- 39 Janina Urussowa, *Das neue Moskau. Die Stadt der Sowjets im Film 1917 – 1941*, Köln, Weimar, Wien, 2004.
- 40 Для этого восприятия типичны: И. Романовский, *Новая Москва. Площади и магистрали*, М., 1938; Лев Никулин, *Вот Москва! Две повести*, М., 1937.
- 41 Левин развивает эту фундаментальную мысль в разных местах, прежде всего, в: Moshe Lewin, *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*, N.Y., 1991.
- 42 David L. Hoffmann, *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929–1941*, Ithaca, L., 1994.
- 43 И.Н. Гаврилов, *Население Москвы. Исторический ракурс*, М., 2001.
- 44 Gabriele Freitag, *Nächstes Jahr in Moskau! Die Zuwanderung von Juden in die sowjetische Metropole 1917–1932*, Göttingen, 2004.
- 45 Это легко засвидетельствовать из истории Москвы советских времен, напр.: *История Москвы*. В шести томах, М., 1999.
- 46 Harald Bodenschatz, Christiane Post (Hg.), *Städtebau im Schatten Stalins*, Berlin, 2003.
- 47 Gijss Kessler, “The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940”. In: *Cahiers du Monde russe* 42, 2001; Nathalie Moine, “Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l’identité sociale”. In: *Cahiers du Monde russe* 38, 1997.
- 48 Hellbeck, *Tagebuch aus Moskau*, а. а. О.; Véronique Garros, Thomas Lahusen, Natalja Korenewskaja (Hg.), *Das wahre Leben. Tagebücher aus der Stalinzeit*, Berlin, 1998; Александр Афиногенов, «Дневник 1937 года». В: *Современная драматургия* 1, 1993.
- 49 Sheila Fitzpatrick (ed.), *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*, Ithaca, L., 1992.
- 50 Г.В. Андреевский, *Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы*, М., 2003; Георгий Андреевский, *Москва. 20–30-е годы*, М., 1998.
- 51 *История Москвы VI, Период построения социализма (1917 г. – июнь 1941 г.)*, 2, М., 1959.
- 52 Alexej Tarkhanov, Sergej Kavtaradze, *Architecture of the Stalin Era*, N.Y., 1992; Vladimir Papernyj, *Architecture in the Age of Stalin. Culture Two*, Cambridge, 2002 [или Владимир Паперный, *Культура Два*, М., 2006]; Hugh D. Hudson, *Blueprints and Blood*, Princeton, 1994; Peter Noever (Hg.), *Tyrannie des Schönen. Architektur der Stalin-Zeit*, München, N.Y., 1994.
- 53 Dietmar Neutatz, *Die Moskauer Metro*, Köln, Weimar, 2001.
- 54 *Архитектура канала Москва-Волга*, М., 1939.
- 55 Олег Хлевной, процитировано в: Colton, *Moscow*, а. а. О.; см. также: Н. Федоров, «Страна «Дмитлаг»». В: *Бутовский полигон*, а. а. О.
- 56 А.Ф. Иванов, *Тайны храма Христа*, М., 1995; Л.Д. Полиновская (ред.), *Храм Христа Спасителя*, М., 1996; Naum Gabo und der Wettbewerb zum Palast der Sowjets Moskau 1931–1933, hg. von der Berlinischen Galerie, Berlin, 1993; необходимо для понимания общего развития: Selim O.

Chan-Magomedow, *Pioniere der sowjetischen Architektur. Der Weg zur neuen sowjetischen Architektur in den zwanziger und zu Beginn der dreißiger Jahre*, Dresden, 1983.

- 57 Ю.Н. Соловьева, *Москва ушедшая. Исторический путеводитель с использованием сведений из адресной книги «Вся Москва»*, М., 1993; С. Романюк, *Москва. Утраты*, М., 1992; *Разрушение храма Христа Спасителя*, Лондон, 1988.
- 58 См.: Colton, *Moscow*, а. а. О.
- 59 Хорошее представление о темпе перестройки дает газета *Строительство Москвы* за 1937 год.
- 60 Colton, *Moscow*, а. а. О.
- 61 Nina Lugowskaja, *Ich will leben. Ein russisches Tagebuch 1932-1937*, München, Wien, 2005.
- 62 Lugowskaja, *Ich will leben*, а. а. О.
- 63 Историко-культурное исследование: Katharina Kucher, *Freizeitkultur im Stalinismus. Der Moskauer Kultur- und Erholungspark 1928-1941* (в печати).
- 64 О характерном для эпохи культе летчиков см.: John McCannon, *Red Arctic. Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union, 1932-1939*, Oxford, 1998; Scott W. Palmer, *Dictatorship of the Air. Aviation Culture and the Fate of Modern Russia*, Cambridge, 2006; Leonid L. Kerber, *Stalin's Aviation Gulag: A Memoir of Andrei Tupolev and the Purge Era*, Washington, 1996; Ю.А. Каминский, *Кремлевские перелеты*, М., 1998.
- 65 О «Голливуде в Москве» см.: Richard Taylor, Derek Spring (ed.), *Stalinism and Soviet Cinema*, L., 1993; о «Доме Правительства» рядом с кинотеатром «Ударник» см.: Karl Schlögel, "Der Mercedes Stern auf dem "Haus an der Moskwa". In: *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 25. Januar 2003.